

К массовой пересадке или СРАБОТАЕТ ЛИ НОВЫЙ

Возможно, вскоре в России появится новый закон «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)». Проект этого закона уже обсуждался в Государственной думе. В проекте предусмотрена новинка для России — массовое прижизненное волеизъявление граждан о согласии (или несогласии) на изъятие органов после смерти. Таким образом власти хотят решить этические проблемы, связанные с трансплантацией, и увеличить число возможных доноров.

О проекте нового закона и о ситуации в трансплантологии читателям «ВП» рассказывает Дмитрий СУСЛОВ (на фото), заместитель главного трансплантолога Санкт-Петербурга, заведующий лабораторией экспериментальной хирургии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова.

ПРИЖИЗНЕННОЕ СОГЛАСИЕ НА ДОНОРСТВО: ГОТОВЫ ЛИ К ЭТОМУ РОССИЯНЕ?

— Дмитрий Николаевич, как вы, хирург, который на протяжении многих лет выполняет операции по трансплантации, несколько лет возглавляет городскую медицинскую службу по забору донорских органов, относитесь к проекту нового закона и, в частности, — к предполагаемому прижизненному согласию на донорство?

— Отношение двойственное. С одной стороны, прижизненное информированное согласие (на этих началах, например, работают трансплантологические службы в США, Германии) — это свидетельство очень высокого развития цивилизованного общества. С другой стороны — мне, как практикующему в России трансплантологу, все-таки ближе существующая презумпция согласия на донорство. То есть когда врачи, не имея информации о том, что данное лицо при жизни отказалось от посмертного донорства органов, могут не спрашивать согласия родственников на изъятие. Согласие считается по умолчанию. Само собой, нельзя изымать органы в случае, если родственники выразили несогласие или если при поступлении больного в стационар родственники предупредили: больной при жизни выражал несогласие стать донором.

— То есть уже сейчас бывают случаи, когда люди официально выражают свое несогласие заранее?

— Да, я видел записи в медкарте больных: люди уже при поступлении в стационар на госпитализацию пишут, что не согласны в случае чего становиться донорами. Видел нотариально заверенные отказы от донорства, которые наши сограждане носят в паспортах. Но это все-таки единичные случаи. А так, повторю, действует правило: те, кто не сказал нет (или за них это не сделали родственники), могут быть донорами.

— Где предполагается фиксировать прижизненное согласие — несогласие?

— Проектом предусмотрено создание нескольких регистров, куда войдут и все граждане России с волеизъявлением, и больные, которым необходимы пересадки, и прочее. Создание таких регистров, имеющих очень большую степень защиты, крайне дорогостоящее. Поэтому я совсем не уверен, что новый закон о донор-

стве примут. Скорее всего, его дальнейшее обсуждение будет отложено. Для сравнения: мы в Санкт-Петербурге хотели создать регистр, в который были бы включены все горожане с пересаженными органами (а таких, замечу, не так уж и много — всего 580 человек). Но нам сказали, что такой регистр, со всеми степенями защиты, обойдется в несколько миллиардов рублей.

— Может быть, как в США, просто делать отметку в водительских правах, в паспорте?

— А у нас много людей везде ходят с паспортами? Да и за руль автолюбители садятся не каждый день. К тому же в США есть соответствующие регистры.

Но главная проблема в том, что если будет введено прижизненное обязательное волеизъявление, то мы будем иметь еще более катастрофическую нехватку доноров, чем теперь. Потому что, во-первых, мало кто пойдет делать запись в регистр. А если

обходима пересадка почки, правда, есть альтернатива — диализ, который нужно проводить через день. Спасла бы ситуация государственная разъяснительная политика в плане нужности трансплантации и донорства. Чтобы об этом говорили политики и чиновники.

Для примера: я обсуждал вопросы, имеющие отношение к прижизненному согласию, с австралийскими коллегами (в Австралии необходимо согласие на изъятие органов). Так вот: случаи отказов — единичны. Почему? Потому что высокая сознательность населения. И еще тот факт, что, если ты откажешься за своего почившего родственника, соседи, друзья тебя будут осуждать.

Я бы сказал: проект нового закона нуждается в серьезной доработке.

— Извините за нескромный вопрос: вы сами выразили бы прижизненное согласие на донорство после смерти?

— Да. И я, и члены

моей семьи. Мы понимаем, что ТАМ органы нам не понадобятся. Это общечеловеческий долг по отношению к обществу, в котором мы жили.

и пойдет, то, скорее всего, за тем, чтоб написать отказ. А если введем обязательное согласие родственников (если нет сведений о волеизъявлении почившего), то тоже во многих случаях будем получать те же отказы. Основные причины этому две. Во-первых, население не склонно доверять медикам. Во-вторых, нет сознательного отношения к трансплантации в обществе. Общество не склонно задумываться о проблемах относительно маленькой группы людей, которым жизненно необходима трансплантация. Ведь больные, нуждающиеся в пересадках сердца, печени, без трансплантации обречены. У больных, которым не-

обходима пересадка почки, правда, есть альтернатива — диализ, который нужно проводить через день. Спасла бы ситуация государственная разъяснительная политика в плане нужности трансплантации и донорства. Чтобы об этом говорили политики и чиновники.

Для примера: я обсуждал вопросы, имеющие отношение к прижизненному согласию, с австралийскими коллегами (в Австралии необходимо согласие на изъятие органов). Так вот: случаи отказов — единичны. Почему? Потому что высокая сознательность населения. И еще тот факт, что, если ты откажешься за своего почившего родственника, соседи, друзья тебя будут осуждать.

Я бы сказал: проект нового закона нуждается в серьезной доработке.

— Извините за нескромный вопрос: вы сами выразили бы прижизненное согласие на донорство после смерти?

— Да. И я, и члены

моей семьи. Мы понимаем, что ТАМ органы нам не понадобятся. Это общечеловеческий долг по отношению к обществу, в котором мы жили.

и пойдет, то, скорее всего, за тем, чтоб написать отказ. А если введем обязательное согласие родственников (если нет сведений о волеизъявлении почившего), то тоже во многих случаях будем получать те же отказы. Основные причины этому две. Во-первых, население не склонно доверять медикам. Во-вторых, нет сознательного отношения к трансплантации в обществе. Общество не склонно задумываться о проблемах относительно маленькой группы людей, которым жизненно необходима трансплантация. Ведь больные, нуждающиеся в пересадках сердца, печени, без трансплантации обречены. У больных, которым не-

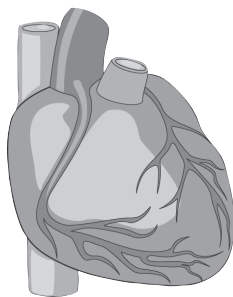
обходима пересадка почки, правда, есть альтернатива — диализ, который нужно проводить через день. Спасла бы ситуация государственная разъяснительная политика в плане нужности трансплантации и донорства. Чтобы об этом говорили политики и чиновники.

Для примера: я обсуждал вопросы, имеющие отношение к прижизненному согласию, с австралийскими коллегами (в Австралии необходимо согласие на изъятие органов). Так вот: случаи отказов — единичны. Почему? Потому что высокая сознательность населения. И еще тот факт, что, если ты откажешься за своего почившего родственника, соседи, друзья тебя будут осуждать.

Я бы сказал: проект нового закона нуждается в серьезной доработке.

— Извините за нескромный вопрос: вы сами выразили бы прижизненное согласие на донорство после смерти?

— Да. И я, и члены

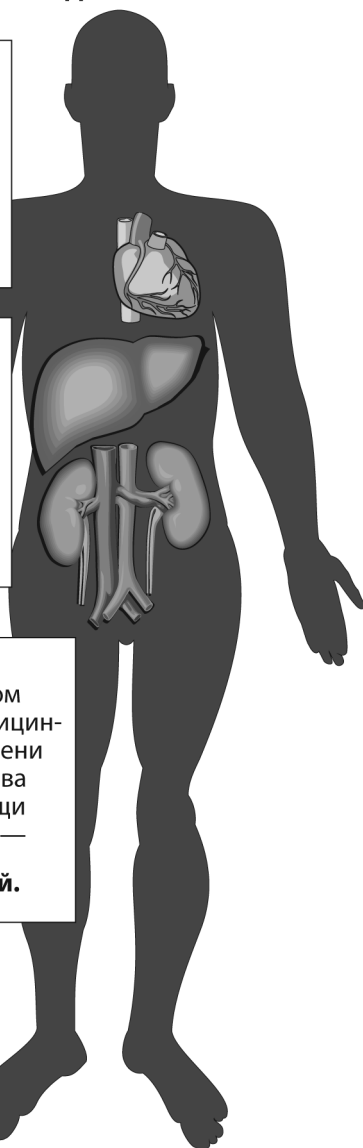
Сенсационным в трансплантологии стал 1967 год. 3 декабря 1967 года кардиохирург из Кейптауна Кристиан Барнард впервые в истории пересадовал в грудь человека донорское сердце. Как писали тогда в газетах, «астронавты, ступившие на Луну, не наделали столько шума, как Барнард со своим скальпелем». Пациент Барнарда прожил всего 18 дней. Сейчас люди с пересаженными органами живут полноценной жизнью десятилетиями.

Количество операций по пересадке донорских органов в Санкт-Петербурге в год

Пересадка сердца
(в Федеральном медицинском исследовательском центре имени В. А. Алмазова) —
около 15 операций.

Пересадка печени
(в Российском научном центре радиологии и хирургических технологий в Песочном) —
около 15 операций.

Пересадка почки
(в Санкт-Петербургском государственном медицинском университете имени академика И. П. Павлова и в НИИ скорой помощи им. И. И. Джанелидзе) —
около 50 операций.

стве РФ об охране здоровья граждан). Но в реальности мы не используем детей-доноров. Потому что до сего момента не утверждена инструкция по констатации смерти головного мозга у детей. И соответственно, в России нет практики такой констатации.

— Но делаете же вы пересадки детям!

— Да, но органы берем от взрослых. В том числе от живых доноров. Кто-то из родителей отдает ребенку свою почку, часть печени (печень имеет способность к восстановлению).

— Какие проблемы сейчас наиболее актуальны в трансплантологии?

— Нехватка доноров, несмотря на презумпцию согласия. Потому что диагноз смерти головного мозга у нас ставится редко, тогда как, например, в США он ставится довольно часто. Постановка такого диагноза — сложная и длительная процедура, легче принять за причину смерти другой диагноз. Нет доноров — нет пересадок. В результате в петербургском листе ожидания, например, на трансплантацию почки стоят 400 человек. В год мы делаем до 50 операций.

Что касается живых доноров, то в России разрешено только генетически родственное донорство. Нет разрешения на перекрестное донорство, на эмоциональное донорство. И в проекте нового закона они также не предусмотрены. Перекрестное донорство — это когда, например,

МАТЬ — ДОЧКЕ, НО НЕ ЖЕНА — МУЖУ

— Как вы относитесь к разрешению детского донорства — с согласия родителей?

— Оно уже разрешено, и именно с согласия родителей, а не иных представителей ребенка. Это норма абсолютно правильная (норма прописана в законодатель-